

Дов Левин

СУДЬБОНОСНОЕ РЕШЕНИЕ:
БЕГСТВО ЕВРЕЕВ ВО ВНУТРЕННИЕ РАЙОНЫ СССР
ЛЕТОМ 1941 ГОДА

Неизменное на протяжении без малого двадцати лет стремление Советского Союза вернуть западные территории, бывшие когда-то частью царской России, смогло наконец осуществиться благодаря заключенному 23 августа 1939 года пакту о ненападении между СССР и Германией, известному как пакт Риббентропа – Молотова. В сентябре 1939 года советская армия оккупировала восток Польши, и 1–2 ноября того же года эти территории были включены в состав Белорусской и Украинской советских республик. 28–30 июня 1940 года были аннексированы Бессарабия и Северная Буковина, прежде принадлежавшие Румынии. За полтора месяца – с 15 июня до начала августа 1940 года – Советский Союз поглотил три независимые балтийские страны – Литву, Латвию и Эстонию.

На аннексированных Советским Союзом территориях проживали около двух миллионов евреев. Они встретили аннексию с чувством облегчения, если не с радостью, – ведь таким образом им удалось избежать нацистской оккупации. Во многих кругах еврейского общества жил страх перед СССР, но даже состоятельным людям и религиозным евреям советская власть казалась меньшим злом, нежели нацистская. Небольшая часть евреев – коммунисты, разного рода левые – с энтузиазмом приветствовали установление советской власти; многие из них примкнули к новому режиму и заняли ответственные посты в хозяйстве и в службе безопасности.

Советские преобразования на аннексированных территориях – национализация частной собственности, роспуск всех самостоятельных еврейских организаций и учреждений, запрет любой сионистской деятельности, а в дальнейшем также аресты и депортации евреев (и неевреев) в восточные районы СССР – отрезвили многих и отчасти развеяли иллюзии по поводу советского режима. Вместе с тем встряска ускоренной советизации подготовила евреев аннексированных территорий к более тяжелому удару – немецкому вторжению в СССР 22 июня 1941 года. За один-два

года советизации евреи аннексированных территорий узнали, как устроена жизнь в Советском Союзе, выучили русский язык – и уже не так боялись ехать на восток в июне 1941 года. Вхождение многих евреев в местную администрацию порой облегчало эвакуацию другим евреям. Социальные связи оказались разрушены, многие евреи лишились собственности, – но тем легче они решались оставить родной дом. Даже высылка евреев в восточные районы СССР парадоксальным образом означала, что многих беженцев в советской глубинке ждали родственники и друзья.

Настоящая статья является переработкой главы 11 книги «Эпоха в скобках: перемены в жизни евреев в районах, аннексированных СССР в начале Второй мировой войны»¹. В этой главе речь идет только об эвакуации и бегстве евреев с аннексированных территорий в первые недели вторжения Германии в СССР. Эвакуация и бегство евреев с земель, бывших частью СССР до сентября 1939 года, остаются за рамками данной статьи.

* * *

На рассвете 22 июня 1941 года нацистская Германия начала блицкриг против Советского Союза, атаковав его по всему протяжению границы. В ходе наступления немецкая армия брала в клещи крупные города, чтобы отрезать их друг от друга, и подвергала массированным бомбардировкам военные и гражданские объекты. Этим операциям предшествовали мощные удары немецкой авиации и сухопутных сил по гражданскому населению в областях, аннексированных незадолго до этого Советским Союзом. Жестоким налетам с воздуха подверглись города со значительным еврейским населением, такие как Рига, Каунас, Белосток, Ровно и Львов. Быстрое продвижение Вермахта вызвало всеобщую неразбериху, и целые участки линии фронта остались без какой-либо защиты. Попытки контратак в большинстве своем потерпели неудачу, и советская линия обороны, в особенности на севере (на территории от Латвии до Волыни), рухнула. Красной Армии сопутствовал несколько больший успех на юге (на участке

¹ Dov Levin, *Tkufa be-sograyim: Tmurot be-hayei ha-yehudim be-ezorim she-suphu le-Vrit ha-Moazot be-thilat Milhemet ha-Olam ha-Shniya* (Jerusalem: Hebrew University, Institute of Contemporary Jewry, 1989), pp. 318–332.

от Волыни до Бессарабии) и в самой северной части балтийского побережья (в Эстонии и на нескольких островах Финского залива). Однако в целом советское сопротивление не было адекватно силе немецкого вторжения. Литва была захвачена за несколько дней, Западная Белоруссия, Латвия, Восточная Галиция и Северная Буковина – за две недели, Волынская и Ровенская области Украины – за три недели, Бессарабия – за месяц, Эстония – за два месяца.

Промежуток времени между началом вторжения и оккупацией в значительной мере определял возможность успешного бегства или эвакуации из районов боевых действий. Немецкая армия стремительно наступала, оставляя в тылу неоккупированные «мешки», – территории, города и местечки, оставшиеся под советским контролем. Так, например, немцы захватили Даугавпилс в восточной Латвии 26 июня, за три дня до вторжения в Лиепаяу на западе страны. Самый восточный городок на старой польско-советской границе в Полесье был оккупирован 2 июля, через три дня после взятия Пинска на западе. Местечко Несвиж, расположенное поблизости от старой советской границы, было захвачено немцами 27 июня, в то время как Новогрудок на востоке пал лишь спустя девять дней, 6 июля. Железные и шоссейные дороги были парализованы; среди тех, кто рассчитывал бежать на восток, царили замешательство и отчаяние.

Внезапность и мощь немецкого нападения привели к непомерно высоким потерям советской стороны и вызвали хаос во всех сферах жизни. Ниже приведено свидетельство о происходившем в Риге после воздушного налета на шестой день войны, 27 июня 1941 года:

По радио передавали сообщения о победах, но мы видели, как солдаты Красной Армии шли вниз по улице... в полном беспорядке, в грязной и рваной форме, с опущенными головами, с трудом тащась в покрытых пылью сапогах... Время от времени они садились на тротуар, чтобы перемотать портянки, или просто сидели неподвижно, прислонясь к стене и не произнося ни слова².

² Свидетельство Шмуэля Шошана: Отдел устной истории Института современного еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме (ОУИ). (12)225. Л. 5.

Если так выглядела Красная Армия, то не составляет труда представить себе, какова была ситуация на всех уровнях гражданской администрации. Например, во многих городах те, кто откликнулся на опубликованный в первый день войны указ о мобилизации (он касался родившихся в 1905–1918 годах) и прибыл на сборные пункты, не могли быть мобилизованы³. 23 июня, на второй день войны, военкомат в Вильнюсе был «совершенно безлюдным, [там] было не с кем говорить»⁴. В некоторых местах призванных резервистов вскоре распустили по домам.

Вражеские парашютисты и агенты, сброшенные в тылу Красной Армии, представляли серьезную угрозу гражданским властям. Помимо дивизий румынской армии, сражавшихся против советских сил на южном участке фронта, Вермахту оказывали значительную помощь нерегулярные формирования, образованные литовскими, латвийскими, эстонскими и украинскими националистическими организациями. Они преследовали отступающие части Красной Армии, захватывали стратегические объекты и городские центры и предпринимали карательные рейды против местного еврейского населения, которое, как они считали, симпатизировало ненавистным советским властям и сотрудничало с ними. Спустя короткое время к ним присоединились сотрудники местных органов власти и милиции, почтовые и железнодорожные рабочие, пожарные, а также солдаты и офицеры, дезертировавшие из Красной Армии. Им удалось овладеть целыми городскими районами⁵ и даже небольшими городами, где они попутно убивали советских чиновников и грабили советские учреждения. Разумеется, терроризирование местных еврейских жителей было одним из их излюбленных занятий. Даже в районах, которые Красная Армия все еще контролировала (пусть лишь номинально), росли отчуждение и враждебность к евреям

³ Родившиеся в 1919–1922 годах (то есть достигшие к началу войны 19–22 лет) в западных областях СССР были призваны на срочную службу еще в апреле 1941 года. См.: Г. Геллер, "Mit freid in di reyen fun di Roiter Armei" // *Der emes*, April 20, 1941.

⁴ Свидетельство Ицхака Шапира: ОУИ. (12)143. Л. 1. Ср.: Shalom Cholawski, *Ir ve-yaar be-mazor* (Moreshet – Sifriyat Ha-Poalim, 1973), p. 47.

⁵ Во Львове украинские националисты захватили церковные колокольни и стреляли с них во все стороны; см.: Izhak Levin, *Aliti mi-Speziya: Reshumot ud muzal mi-geto Lvov* (Tel Aviv: Am Oved, 1947), p. 52. Об аналогичных событиях в Риге см. свидетельства Беллы Менделевич (ОУИ. (12)211. Л. 9) и Б. Герчика (ОУИ. (12)206. Л. 2.).

со стороны их соседей, которые прежде опасались публично выражать свои подлинные чувства.

Одновременно с продвижением врага по всему фронту советские власти объявили о мобилизации добровольцев в народное ополчение. Были открыты ускоренные курсы первой медицинской помощи, которые посещали в основном женщины. В различных городах были созданы военно-строительные полки и батальоны, и тысячи людей возводили укрепления и заграждения, рыли окопы и т. д. Из партийно-комсомольских активистов и преданных советской власти граждан формировались истребительные батальоны и так называемые коммунистические, или рабочие батальоны. В их задачи, среди прочего, входила охрана зданий государственных и партийных органов. Тогда же началась интенсивная пропагандистская кампания, в которой евреи принимали активное участие. Уже на этой стадии Москва отдала указания о практической подготовке к партизанской войне и об эвакуации на Восток тысяч семей советских офицеров и служащих. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», предусматривавшее эвакуацию населения и промышленного оборудования, было принято 27 июня 1941 года (то есть через пять дней после начала войны). Оно касалось восьми советских республик, включая все аннексированные территории⁶.

Решение об эвакуации не сказалось на судьбе большинства жителей аннексированных территорий, включая евреев, так как было принято слишком поздно: значительная часть этих земель была уже захвачена врагом. В указе говорилось, что эвакуация гражданского населения должна осуществляться в установленном порядке. В первую очередь эвакуации подлежали специалисты и инженерно-технический персонал стратегически важных предприятий, а также женщины, дети, инвалиды и люди старше 50 лет. На самом же деле предпочтение при эвакуации отдавалось семьям членов Коммунистической партии и государственных служащих, – так называемого «партийно-советского актива».

⁶ Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Карело-Финская ССР и несколько областей РСФСР. 24 июня был создан Комитет по эвакуации во главе с Л. М. Кагановичем. См.: Ю. А. Поляков, *Эшелоны идут на Восток*. М., 1966. С. 10.

Советским и партийным учреждениям предстояло договориться с местным армейским командованием о маршрутах эвакуации и о выделении транспортных средств. Однако из-за неудач на фронте и требований военного времени предпочтение при выделении продовольствия, материалов и транспорта отдавалось вооруженным силам, что чрезвычайно затрудняло эвакуацию гражданских лиц. Центральные магистрали и переезды были захвачены или окружены противником, и для нужд эвакуации, как правило, использовались второстепенные дороги или обходные пути. В Эстонии эвакуацию проводили морем.

К июню 1941 года на аннексированных территориях большинство евреев уже разделяли иллюзии советских граждан и верили, что война, охватившая к тому времени почти всю территорию Европы, им не угрожает. Это ощущение коренилось главным образом в их вере в мощь Советского Союза и особенно «великой Красной Армии», чья «непобедимость» воспевалась денно и нощно. Свидетели стремительного развала польского государства и его вооруженных сил в сентябре 1939 года, они не допускали мысли, что выражение «военный крах» может быть применено и к СССР. Однако вскоре их надежды доказали свою полную несостоятельность; перспектива нацистской оккупации оказалась реальной и ощутимой.

За время, прошедшее между 1939 и 1941 годами, местные евреи перестали ощущать нацистскую угрозу во всей ее остроте, в основном из-за того, что советская пропаганда изо всех сил замалчивала известия о происходившем по другую сторону границы. Поэтому паника и беспорядочное отступление Красной Армии в первые дни вторжения вызвали у местных евреев замешательство и ощущение беспомощности, которые вскоре сменились отчаянием.

Жители маленьких местечек вблизи западной границы, на восточных берегах Немана, Западного Буга, Сана и Прута, первыми столкнулись с жестокой реальностью войны и с необходимостью принимать трудные решения (в этих районах немцы продвигались особенно быстро). Ниже мы приводим воспоминания очевидца о первых часах войны в приграничном поселке Липканы (Липкань) в Бессарабии:

Нас разбудила внезапная стрельба. Учения? Стрельба становилась все громче. Один снаряд, затем другой упали между домами, сотрясая местечко. Люди в

панике выбегали из своих домов. Мы должны бежать, но куда? «Туда», на берег Прута? Вокруг слышались плач и стоны. Советские офицеры без головных уборов и ремней выскочили из казарм. Они не отвечали на наши мольбы... Но люди успокаивали себя тем, что очень скоро немцы, голые и босые, побегут назад. Когда запоят советские орудия, немцы, забыв бабки, конечно, удержат⁷.

Надеждам евреев Липкан не суждено было сбыться. На следующий день, 23 июня, на волне гражданской эвакуации они бежали в местечко Бричень, где «в каждой комнате, в коридорах и на чердаках приютилось по шесть или семь семей, а многие просто остались под открытым небом». Вскоре, вследствие быстрого продвижения наступающих армий и флангового охвата очагов сопротивления, эта область оказалась отрезана от остальных частей Бессарабии, а пути отхода для армии и гражданского населения заблокированы. В других местах евреи оказывались в такой же ситуации.

Зрелище унижительного отступления Красной Армии и крах органов власти, которые не оказывали гражданскому населению никакой помощи, вызвали панику среди местных евреев. Угроза массовых убийств, озвученная националистическими бандами, и неминуемая опасность, приближавшаяся с Запада, поставили их перед трудной дилеммой. Стоявший перед ними выбор был очень ограничен: они могли идти вслед за колоннами Красной Армии, отступавшими на территорию, которая все еще контролировалась Советами, или, рассредоточившись, искать убежища в окружающих лесах и деревнях, стараясь ускользнуть как от регулярной армии, так и от националистических формирований. Третья возможность заключалась в том, чтобы остаться на месте и ожидать развития событий. Вскоре выяснилось, что альтернатива иллюзорна: националисты уже выставили пикеты на выездах из городов и поселков и поджидали именно евреев. Более того, власти не приняли каких-либо эффективных мер для организации партизанской борьбы на занятых врагом территориях. Второпях сформированные специальные отряды были заняты в основном охраной тыла и флангов отступающих частей Крас-

⁷ Yisrael Roshko, "Al hurbanotayikh, Lipkan" // M. Zilberman-Silon, M. Berger-Tamir (eds.), *Kehilat Lipkani: Sefer zikaron* (Tel Aviv, 1963), p. 304.

ной Армии и лишь изредка вели арьергардные бои с противником. Спешное бегство государственных служащих и партийных функционеров, – единственной силы, способной организовать эффективную партизанскую борьбу, – закрыло перед евреями возможность вступить в ряды таких подразделений и спастись вместе с ними.

Таким образом, евреи стояли перед выбором: остаться дома или бежать. Бегство вызывало целый ряд серьезных вопросов: куда бежать? Каким образом? Вместе с кем? Необходимость принять ответственное решение становилась все острее, по мере того как продолжалась эвакуация государственных предприятий и партийных органов за линию, служившую границей до сентября 1939 года. Гражданское население, включая евреев, оказалось предоставлено самому себе. «Хотя мы плохо представляли себе, что ожидает нас, если мы останемся дома и окажемся под немецкой оккупацией, – писал очевидец, который впоследствии бежал и вступил в ряды Красной Армии, – многие решили в любом случае уйти вместе с отступающими солдатами». Другая причина, заставившая многих евреев немедленно покинуть свои дома, заключалась в страхе перед нееврейскими соседями; многие остро ощущали напряжение, копившееся в последние годы. Звучали угрозы, заставлявшие опасаться повторения кишиневского погрома⁸. Рижский еврей, который при советской власти занимал пост директора национализированной фабрики, вспоминал:

27 июня, приехав на фабрику, я увидел, что во дворе построили две виселицы. Работница со слезами на глазах сообщила мне, что одна из них предназначена для меня, а другая – для Озина [латышского коммуниста, который был одним из руководителей фабрики]. Я вышел из здания и поделился этой историей с моими знакомыми. Они посоветовали мне немедленно уехать, «не поднимая шума». Я взял на фабрике лошадь и телегу, привел жену и детей, и мы отправились в путь. По дороге в нас стреляли из окон домов. На восемнадцатом километре мы встретили доктора Дубинского, который, как главный врач, получил в свое распоряжение автобус. Он согласился взять мою жену и детей, и в течение многих месяцев я ничего не знал о них⁹.

⁸ Произошел в 1903 году. – Примеч. ред.

⁹ Свидетельство Якова Школьника: ОУИ. (12)247. Л. 1–2.

Будущее казалось неопределенным, однако евреи чувствовали, что при нацистской оккупации будет хуже. Вера в неминуемый приход Вермахта усугубляла страх перед беспорядками и насилием со стороны местного населения. Вопрос заключался в том, как долго продлится брожение и сколько будет жертв. Практически вся еврейская община на аннексированных территориях питалась слухами и догадками, однако некоторые евреи отлично понимали, что им-то следует бежать в любом случае и любой ценой. Необходимым считали бегство: 1) члены Коммунистической партии и комсомола, видные сотрудники партийного и профсоюзного аппарата, НКВД и милиции; 2) администраторы, отвечавшие за проведение политики советизации в экономической сфере и участвовавшие в национализации предприятий, земель и т. д. (в том числе и евреи, которые заняли в государственных учреждениях должности изгнанных представителей других этнических групп); 3) те, кто официально не был связан с советскими учреждениями, но сочувствовал режиму и публично заявлял об этом на собраниях по месту работы или на массовых митингах. К этим категориям следует добавить многочисленных беженцев из западных районов Польши, которые успели испытать на себе нацистскую политику по отношению к еврейскому населению. Во многих случаях именно они первыми решали повторно бежать из новых мест своего проживания и уговаривали местных евреев поступить так же.

Еврейская молодежь, не обремененная семьями, была особенно склонна присоединяться к колоннам беженцев, отправлявшихся вглубь страны. Движение на восток увлекло за собой различные группы еврейского населения, включая и целые семьи. Среди них были люди, подозревавшиеся во враждебности к советскому режиму, в том числе и те, кого могли ожидать арест и ссылка: крупные собственники, члены Бунда, сионисты-ревизионисты, члены молодежного движения «Бейтар», участники борьбы против большевиков в 1918–1920 годах и другие (некоторые члены сионистского движения, в частности М. Пачановский из «Ха-Ноар Ха-Циони» в Восточной Галиции, возражают против такой трактовки событий).

Столкнувшись с дилеммой – бежать или остаться, – человек часто не мог решить, какими соображениями и аргументами руководствоваться. Иногда превалирующие в общине настроения

помогали колеблющимся принять решение: «Евреи не знали, что делать. Их лидеры были в тюрьме, и они не могли посоветоваться с ними... Решение было принято в одно мгновение: бежать!»¹⁰.

Небольшой городок Оргеев (Орхей) в Бессарабии служит примером массового бегства еврейской общины. После того как 7 июля 1941 года было объявлено, что все жители города должны временно эвакуироваться во внутренние районы Советского Союза, «люди двинулись к границе пешком или на подводах, запряженных лошадьми или волами». Кто-то направился в приграничный городок Криуляны (Криулень), кто-то – в приграничный поселок Резина. Спустя два дня Оргеев покинули все еврейские жители города, сумевшие раздобыть хоть какое-то средство передвижения¹¹.

Порой сторонники эвакуации полагали, что эта мера носит краткосрочный характер, потому что «через несколько дней немцы будут разбиты» и можно будет вернуться домой. Поэтому многие не захватили с собой необходимых вещей и провизии. Некоторые считали, что «женщинам и старикам нечего бояться. Только молодые мужчины подвергаются опасности».

Как видно из следующего отрывка, аргументы против бегства также носили веский характер:

Как будто кто-то шептал мне на ухо: «Беги, приятель. Выбериайся поскорее из Александрии, беги в Россию. Возьми своих родителей, все оставьте и бежите, спасайте свои жизни. Здесь произойдет что-то страшное. Самое худшее: убийство евреев!» Но этому голосу, шедшему из сердца, возражал другой голос, голос разума, говоривший холодно и рассудительно: «Что за глупости, Шалом! Что значит – убийство? Что, просто так начнут убивать людей? Конечно, будут наложены ограничения и запреты, как это делается в оккупированной немцами Польше. Но убийства?» Но вдруг я понял, что это вовсе не был голос моего разума. Это был голос моих родителей, говоривших со мной. Они категорически возражали против того, чтобы бросить все и отправиться в

¹⁰ См., например: S. Kandel, "Yamim tragiim" // *Sefer Kalarash* (Tel Aviv, 1966), p. 398. Большинство беженцев из Калараша сумели пересечь Днестр. См.: S. Veisman, "Hurban ve-yeush" // *Sefer Kalarash*, p. 402; ср.: R. Avraham Shlafid, "Megilat ha-dmaat" // *Pinkas Britsheve* (Tel Aviv, 1970), p. 396; Shmuel Yabkovski, "Be-shevi ha-sovyeitim u-vrihati mi-Zihanoviz" // Eliezer Leoni (ed.), *Zihanoviz mahoz Byalistok* (Tel Aviv, 1964), p. 585 (Цехановец – местечко под Белостоком. – Примеч. ред.).

¹¹ Naya Mundryan, "Im ha-'Shod'" // *Orheyov be-vinyana u-ve-hurbana* (Tel Aviv, 1959), pp. 149–150.

неизвестность. Они также все время старались задержать меня. К нам приходили соседи, успокаивавшие друг друга: не так страшен черт, как его малюют, Бог поможет. Может быть, комендантом в городе станет добросердечный человек или корыстолюбец, с которым мы всегда сумеем договориться. И кроме этого, куда мы побежим в эти безумные дни, да еще в нашем возрасте? Мы что, станем бродягами в России, зимой? Они также говорили, что русские никому не дадут пересечь старую границу, проходившую по линии Корец – Новоград-Волынский. Некоторые из горожан, в том числе и наш сосед, как раз вернулись оттуда, и они подтверждают это. В конце концов, именно поэтому они и вернулись назад¹².

Случалось, что молодые евреи, которым удалось залезть на армейские грузовики, направлявшиеся на восток, передумывали и оставались, поддавшись уговорам своих матерей. «Ребята откликнулись на мольбу матерей и тем самым подписали себе смертный приговор». Иногда молодым людям удавалось уговорить родителей отправиться с ними на восток. Однако сплошь и рядом молодые евреи оставались в родных городах вместе с родителями и младшими братьями и сестрами. Нежелание оставлять семью не позволило им бежать. Десятки тысяч людей (юношей, девушек и глав семейств) думали о бегстве, имели возможность бежать – и отказались от бегства только по этой причине. Позднее это трагическое явление неоднократно повторялось в гетто и лагерях уничтожения.

Против бегства возражали как «оптимисты», так и «пессимисты». Первые утверждали, что война между двумя могущественными державами в итоге положит конец нацистскому кошмару, грозящему евреям. Они не хотели бросать свои дома, поскольку считали, что война не продлится долго и будет вестись на территории противника, как неустанно обещали советские пропагандисты. С другой стороны, те, кто допускал возможность победы немцев, полагали, что лучше остаться дома, чем отправиться в неизвестность. Кроме того, многие опасались нарушить указания властей, запрещавших гражданам самовольно покидать места работы и выезжать из города без разрешения.

¹² Shalom Golani, "Aleksandriya – yoman ha-Shoa" // *Pinkas ha-kehila Aleksandriya* (Tel Aviv, 1972), p. 202; cp.: Eliezer Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emet* (Haifa, 1966), p. 83.

Хотя многие знали о жестоком отношении немцев к евреям, никто не мог даже помыслить о возможности систематического массового убийства. Некоторые евреи даже радовались советскому отступлению. Они были убеждены, что немцы разгромят СССР, и отказывались верить историям о нацистских злодеяниях, которые рассказывали беженцы с Запада. Эти рассказы казались им измышлениями советской пропаганды, и в качестве контраргумента они приводили поведение немцев в годы Первой мировой войны. Немецкие евреи или евреи – носители немецкой культуры (например, в Курляндии¹³, Эстонии и Восточной Галиции) искренне верили, что немцы не причинят им какого-либо вреда¹⁴.

Как ни странно, некоторые евреи (как правило, арестованные советскими властями и ожидавшие высылки вглубь России) даже с нетерпением ожидали прихода немцев. Некоторых из них националистические формирования или даже немецкие солдаты освободили из тюрем во время панического бегства Красной Армии.

Возможно, евреи Западной Украины и Белоруссии сделали выводы из судьбы беженцев, которые прибыли ранее из западных районов Польши и оказались без каких-либо средств к существованию и крыши над головой. Советские власти в конечном итоге стали считать их неблагонадежными элементами, а некоторых даже выслали вглубь страны. Евреи Полесья, Волыни и Восточной Галиции опасались, что нечто подобное произойдет и с ними, если они решатся оставить свои дома и присоединиться к отступающей Красной Армии. Вместе с тем сведения о немецких зверствах тоже возымели свое действие. Другими словами, пример еврейских беженцев из западных районов Польши играл неоднозначную роль в процессе принятия решения о бегстве.

В результате массового исхода еврейского населения не произошло. Отсутствие достоверной информации о ситуации в оккупированных немцами районах и неспособность предвидеть будущее развитие событий помешали евреям в массовом порядке покинуть свои дома и пуститься в странствия по Советскому Союзу. Возможно, какая-то форма организации могла бы помочь

¹³ Западная и юго-западная часть Латвии. – *Примеч. ред.*

¹⁴ Benzion Shrueter, "Bi-Yrit ha-Moazot: Pegishot im yehudim be-shnot ha-milhamah ve-le-ahareya" // *Masua*, № 5 (1977), p. 200.

многим из них выжить, но вторжение вызвало шок и парализовало их волю.

В Бессарабии многие евреи надеялись, что их города оккупируют румынские войска, а не Вермахт. Из предыдущего опыта они знали, что с румынами можно поладить, если не скупиться на взятки. «Мы заплатим им выкуп и сделаем все, что сможем». Раввин из города Единцы (Эдинец) в Бессарабии так вспоминал о настроениях в своей общине в те дни: «Конечно, можно ожидать погрома, но, по меньшей мере, кому повезет, выживут»¹⁵. Аргументы подобного рода заставили многих людей в последний момент изменить планы бегства. В частности, нечто подобное произошло в местечке Романовка возле Аккермана¹⁶.

Иногда этот подход бывал следствием арестов и депортаций, произведенных советскими властями за несколько дней до вторжения: «Лучше умереть со звездой Давида, нашитой на спине, чем стоять в очереди даже в уборную под русской властью»¹⁷.

Говоря об аргументах против бегства на восток, нельзя не упомянуть нежелание людей бросать свое имущество. Многие просто не понимали, «как человек может оставить дом и все свои вещи и начать жизнь бродяги»; те, кто владел недвижимостью, особенно землей, были полны решимости «не бросать свое наследие и свои дома»¹⁸.

Показания очевидцев свидетельствуют о том, что к евреям, участвовавшим в организованной эвакуации, власти относились достаточно нейтрально, в соответствии с общими распоряжениями; отношение же к тем, кто бежал по своей инициативе, часто бывало неоднозначным или откровенно враждебным¹⁹.

¹⁵ Свидетельство рабби Й. Элькиса: ОУИ. (101)13. Ср. свидетельства К. А. Бартини (ОУИ. (101)10. Л. 13) и Авраама Турчина (ОУИ. (101)5. Л. 10–11). См. также: S. Kandel, "Yamim tragiim", p. 398.

¹⁶ Yisrael Shildkraut, *Al hurvot Besarabiya* (Tel Aviv, 1954), pp. 250–251.

¹⁷ Свидетельство Якова Школьника: ОУИ. (12)247. Л. 1. См. также свидетельства Баруха Брашинского (ОУИ. (101)29. Л. 2), М. Эйдельберга (ОУИ. (101)23. Л. 7), Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 47), Д. Элькинда (ОУИ. (12)164. Л. 25), И. Злотокрылова (ОУИ. (12)199. Л. 3), А. Година (ОУИ. (101)98. Л. 4). Ср.: M. Ben-Berit, "Hamilhama parza" // *Markuleshti – yad le-moshava yehudit be-Besarabiya*, (Tel Aviv, 1977) pp. 379–380.

¹⁸ M. Ben-Berit, "Be-derekh le-Ukraina" // *Markuleshti*, p. 382; ср.: Yeta Shapira Rozenzvaig, *Gam be-Ponar hayinu* (Lohamei Ha-Getaot, 1979), pp. 14–15.

¹⁹ Вопрос, отдавалось ли евреям предпочтение при эвакуации, обсуждается в статье: Dov Levin, "Brit ha-Mozot ve-hazalat ha-yehudim: beayot ve-uvdot" // *Nisyonot ve-peulot hazala be-tekufat ha-Shoa* (Jerusalem, 1976), pp. 183–193.

Успех или неудача попытки бегства вглубь российской территории определялись следующими факторами.

1. В первые дни вторжения, когда все еще можно было убежать от наступающей немецкой армии, местные органы власти нередко призывали население к спокойствию и предостерегали против попыток бегства, хотя сами служащие лихорадочно готовились к эвакуации персонала и оборудования. Вот свидетельство жителя города Единцы Менделя Либермана:

Жители не знали, какова подлинная ситуация, потому что даже то, что передавали по радио, не соответствовало действительности. Таким образом, мы питались слухами. В то же самое время мы чувствовали, что государственные учреждения готовятся к отъезду вглубь российской территории. Все высокопоставленные служащие, включая евреев, получили указания готовиться к эвакуации. Мы также слышали, что необходимо специальное разрешение, чтобы пересечь реку Днестр на границе между Бессарабией и Россией. Тревога росла... Евреи начали закапывать в землю имущество и ценности. Тем временем враг начал бомбить город.

Когда местные жители, включая учителей, отправились в местный партийный комитет за разрешением на переход Днестра, им сделали выговор: «Что это значит? Вы что, не верите в мощь Красной Армии? Вы создаете панику». Директор местного отделения Государственного банка произнес перед сотрудниками речь о том, что «никакой враг не посмеет ступить на землю советской родины, и нет никаких оснований опасаться румынско-немецких оккупантов». Спустя всего лишь несколько часов по городу разнесся слух о том, что директор и другие видные чиновники, в том числе и администратор-еврей по фамилии Штейнборц, покинули город и двинулись в Россию²⁰.

Обычно представители гражданской администрации уезжали в спешке, если не в панике. Более того, они не задумываясь реквизировали немногочисленные доступные средства транспорта для себя и своих семей, тем самым исключая всякую возможность массовой стихийной эвакуации²¹.

²⁰ M. Raikher, "Di martirologiye fun Yedinetzer yidn" // *Yad le-Yediniz* (Tel Aviv, 1973), pp. 714, 756–758; ср. свидетельство рабби И. Элькиса: ОУИ. (101)13. Л. 25.

²¹ "Bi-shnot ha-shilton ha-sovyeti" // *Pinkas Zhetl* (Tel Aviv, 1958), p. 314 (Жетл (Дятлово) – город в Гродненской области. – Примеч. ред.).

Власти часто цензурировали новости о происходящем и не сообщали испуганному населению правду. Такова была ситуация в местечках Слоним в Западной Белоруссии и Сарны в Полесье. Услышав, что «последние [государственные] учреждения покидают город, а арьбергартные армейские части отступают в панике», некоторые из евреев Сарн начали «уходить пешком, неся на руках грудных детей, с узлами за спиной»²².

2. Во многих городах и местечках власти издали указ, запрещавший жителям покидать места работы. Нарушители считались дезертирами и подлежали суду. Когда люди осознавали, что сами представители власти бежали, обычно было уже слишком поздно (так произошло, например, в городке Кременец на Волыни). После того как советские власти покинули Слоним, телефонные операторы продолжали работать как обычно и отвечали на звонки. На телефонной станции было много молодых евреек-телефонисток; с началом войны они получили приказ не покидать место работы ни на минуту. В ходе своего поспешного бегства местное руководство совершенно забыло об этом важнейшем центре связи и не посчитало нужным разрешить телефонисткам прекратить работу и, возможно, уехать вместе с ними. Женщины продолжали трудиться, пока немецкие солдаты не вошли в здание почтового отделения²³. В эстонском городе Пярну местный житель по фамилии Ферман (пожарный по профессии), мобилизованный в силы гражданской обороны, получил приказ оставаться на своем посту до последнего. Его семья эвакуировалась, но ему не разрешили к ней присоединиться. Шмуэль Рыбак из Таллинна, шофер одного из министров эстонского правительства, мобилизованный в первые дни войны, отвез своего начальника к границе, однако того отправили обратно – продолжать работу. В последние дни эвакуации министр сел на корабль, отплывавший в один из советских портов. Рыбак позднее рассказывал:

Я остался один с машиной и не знал, что делать дальше... Я хотел вернуться домой, потому что мои родители остались в Таллинне... Я начал отъезжать

²² Shlomo Zandvais, "Sarni – hithavuta, kiyuma ve-hurbana" // *Sefer yizkor le-kehilat Sarni* (Tel Aviv, 1961), pp. 80–81.

²³ Noah Kaplinski, "Kakh hufkarnu al-yadei ha-Sovyetim" // *Pinkas Slonim* (Tel Aviv, 1962), p. 39.

*от причала, когда советские моряки предупредили меня, что немцы уже вошли в город. Вместе с ними я поднялся на маленький военный корабль, что-то вроде минного тральщика, и прибыл в Кронштадт*²⁴.

Евреи, мобилизованные в рабочие батальоны в Латвии и в организации, созданные для защиты предприятий и государственных учреждений, сталкивались с похожими проблемами. Само существование этих формирований укрепляло дух еврейского населения, но служба в них требовала постоянного присутствия. Таким образом, семьи оказались разлучены в самое трудное время.

3. Вблизи старой советской границы беженцы могли передвигаться на подводах или пешком, но во всех других районах они нуждались в более эффективных транспортных средствах: поездах (там, где они еще ходили) или автомашинах. Поскольку даже в мирное время все они находились под строгим контролем государственных и партийных органов, для бегства на восток часто требовалось разрешение сесть в поезд или в другой транспорт. По свидетельствам очевидцев, в большинстве случаев предпочтение отдавалось государственным служащим и их семьям, а также семьям офицеров Красной Армии. Рядовым гражданам, как правило, женщинам, иногда разрешали сесть в поезд или в машину. Так произошло в латвийском городе Лиепая, который был взят немцами после недели жестоких боев.

*Семьи военнослужащих и советских чиновников собрались на второй день войны, 23 июня, в порту, а затем сели в поезд. Многие из евреев города устремились на железнодорожную станцию, которая вскоре оказалась заполнена людьми. Мужчинам сесть в поезд не разрешали; только женщины и дети смогли протиснуться в вагоны. На следующий день уже было поздно, так как все пути к бегству были отрезаны*²⁵.

Люди, заполнившие железнодорожную станцию в Коломые в надежде сесть в поезд на восток, были отправлены назад, – им сказали, что в поезде нет мест для рядовых граждан. Еврейским студентам из Коломыи, учившимся во Львовском университете,

²⁴ Свидетельства Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 38) и Цви Глазера (ОУИ. (12)164. Л. 10–11).

²⁵ Свидетельство Иехудит Гиммельфарб: Архив Яд Вашем (АЯВ). ОЗ/2597. Л. 6. Ср. свидетельство «Иры»: ОУИ. (12)174. Л. 24.

удалось взобраться на поезд, однако охранники высадили мужчин и разрешили эвакуироваться только девушкам. Студенты продолжили свой путь пешком; многие погибли по дороге²⁶. Во Львове поезда отдали в распоряжение семей советских служащих и офицеров Красной Армии. Однако поскольку их продолжали использовать для транспортировки осужденных и их семей, не осталось места даже для членов Коммунистической партии и сочувствующих, не говоря уже о семьях рядовых граждан²⁷.

4. Многие евреи, все же решившие бежать на восток, столкнулись с неожиданным препятствием на старой советской границе, до которой они добрались на поезде или пешком. Выяснилось, что на многих участках границы все еще действуют ограничения на въезд жителей аннексированных территорий. Порядок, применявшийся при выделении транспортных средств и разрешений на эвакуацию, действовал и здесь: разрешения на въезд на территорию Советского Союза получали прежде всего советские служащие и члены их семей. Чиновники местных органов власти, работники промышленных предприятий и других учреждений, которые были эвакуированы в организованном порядке, равно как и обладатели партийного билета и специальных разрешений, выданных службами безопасности, тоже могли рассчитывать перейти границу. Но десятки тысяч рядовых граждан (значительное число которых составляли евреи) были задержаны на пограничных пунктах – путь на восток был для них закрыт. Еврейских беженцев из местечка Ольшаны в Западной Белоруссии, добравшихся до городка Радошковичи на старой польско-советской границе (на подводах, на велосипедах и пешком), встречали щиты, на которых было написано по-русски, что каждый, кто пересечет границу без разрешения, будет расстрелян. Пограничники приказали беженцам, собравшимся на пропускных пунктах, вернуться домой: «Ночью мы не колеблясь будем стрелять в любого, кто находится вблизи границы»²⁸. Молодые

²⁶ Yosef Kermish, "Shoat yehudei Kolomiya bi-froz milhemet ha-olam ha-shniya" // *Sefer zikaron le-kehilat Kolomiya ve-ha-sviva*, (Irgun yozei Kolomiya ve-ha-sviva, 1972) pp. 272–273.

²⁷ Tanya Fuks, *A vanderung iber okupirte gebitn* (Buenos Aires, 1947), p. 112. Ср. свидетельство Адольфа Эрба: АЯВ. ОЗ/1796. Л. 3.

²⁸ Pesah Gershonovitz, "Untern daitshishn rezhim" // *Lebn un umkum fun Olshan* (Tel Aviv: Irgun yozei Olshan be-Yisrael, 1965), p. 195.

евреи из Несвижа, добравшись до старой границы (в десяти километрах от их местечка) на четвертый день войны, получили приказ вернуться домой, чтобы «не создавать панику в то время, когда немцев отбрасывают назад». Когда они отказались сделать это, часовые навели на них оружие. Лишь немногим удалось проскользнуть через границу²⁹.

Тысячи эвакуированных и беженцев из балтийских стран, включая членов Коммунистической партии и госслужащих, были задержаны на несколько дней на старой советско-латвийской границе возле Себежа, под тяжелыми бомбардировками вражеской авиации, «вплоть до получения инструкций из Москвы»³⁰. Командир в ранге генерала даже утверждал, что «если на самом деле среди тысяч людей, ожидающих на границе, действительно найдутся один или два шпиона, то пусть лучше немецкая авиация уничтожит всех, кто пытается пересечь границу в Россию, чем два шпиона проникнут в нашу страну»³¹. Задержка эта привела к катастрофическим последствиям для евреев: многие вернулись в свои дома, где сразу же попали в руки немцев и их пособников из числа латышей, украинцев, литовцев и других. Иногда пограничники заставляли беженцев садиться в поезда, идущие на запад³².

Когда наконец пропускные пункты на границе открылись для всех желающих (по распоряжению сверху или просто из-за того, что часовые бросили свои посты с приближением немецких войск), было уже слишком поздно. Ожидавшие рассеялись по округе, и большинство попало в руки немцев и сотрудничавших с ними националистических банд.

5. Впрочем, не везде советские власти создавали преграды и трудности на пути еврейских беженцев. Показания очевидцев и воспоминания свидетельствуют о сочувствии и помощи, которую обычно оказывали им в тех местах, где военная ситуация была

²⁹ Cholawski, *Ir ve-yaar be-mazor*, p. 47; ср.: M. Gefen et al., *Sefer ha-partizanim ha-yehudim*, vol. 1, p. 545; *Sefer Nesvizh* (Merhaviya, 1958), p. 121.

³⁰ Yankl Piker, *Azoi iz geven* (Tel Aviv, 1979), p. 77; ср.: Hana Lea Kravchuk, "Mir antloifn fun der heim" // *Yanova al gadot shel Viliya* (Tel Aviv, 1973), p. 393 (Янова (Йонава) – местечко в Литве. – Примеч. ред.); свидетельство Хаи Зимзон (АЯВ. М.1.Е-1909. Л. 2–3, 11–12).

³¹ Свидетельство Шауля Бейлинзона: ОУИ. (12)276. Л. 5.

³² Анонимное свидетельство: АЯВ. 2243/77152-А; Е. Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emei*, pp. 83–84.

относительно благоприятной, а расстояние до линии фронта и наличие транспортных средств позволяли помочь. Так счастливо сложились обстоятельства, например, в местечке Рокитно на Волыни. Рокитно располагалось возле старой польско-советской границы и было эвакуировано на относительно раннем этапе (10 июля 1941 года):

Распространились слухи о том, что НКВД выдаст разрешения на переход границы в Советскую Россию. На рассвете уже собралась длинная, изогнутая очередь, состоявшая в основном из евреев, нетерпеливо ожидавших кусочка бумаги, который давал им проблеск надежды. Слухи оправдались: разрешения действительно были выданы, и еврейские жители начали искать транспорт, в основном лошадей и подводы. О поездке на поезде можно было только мечтать, но благодаря усилиям местного комитета Коммунистической партии был найден товарный вагон... Мы приехали на пропускной пункт на старой советско-польской границе... Проверка документов была короткой, и нам решили продолжить наше путешествие³³.

Беженец из западной Польши, который в конце 1939 года проскользнул через советско-литовскую границу и оставался в Вильнюсе вплоть до начала войны в июне 1941 года, пишет в своих воспоминаниях о том, что русские в те дни вели себя весьма человечно:

Семьям русских офицеров выделили автомашины для поездки на восток, и женщины хотели взять с собой домашнее имущество. Однако офицеры, отвечавшие за эвакуацию, выбросили весь скарб из машин, сказав им, что спасать нужно людей, а не вещи. Благодаря их вмешательству нам удалось посадить в машины еще нескольких женщин³⁴.

Военные обстоятельства и географические особенности Эстонии позволили эвакуироваться в СССР всякому, «кто того пожелал». Хотя определенные документы все же требовались (в частности, разрешение на эвакуацию), вплоть до августа 1941 года (то есть первые шесть недель после начала войны) достать их было не

³³ Yaakov Shvarz, "Yeziyat Rokitne" // *Rokitne ve-ha-sviva*, (Irgun yozei Rokitne ve-ha-sviva, 1967) pp. 251–252.

³⁴ Свидетельство Шломо Гейзлера: АЯВ. ОЗ-1565. Л. 8.

очень сложно³⁵. Власти Бессарабии тоже не чинили особых препятствий тем, кто просил специального разрешения на переход реки Днестр, по которой проходила старая советско-румынская граница. Согласно показаниям, большинство беженцев были евреями. Более того, после принятия решения о тотальной эвакуации региона власти оперативно возвели целый ряд временных мостов и переправ через реку, в дополнение к существовавшим мостам, которые не справлялись с огромным числом эвакуируемых. Иногда солдат Красной Армии специально посылали перевезти на лодках группы евреев, появившихся «в последний момент» на правом берегу Днестра, там, где других средств переправы не существовало³⁶.

Учитель иврита из селения Маркулешты (Мэркулешть), который в ходе своего бегства на восток попал в одну из деревень на берегу Днестра, дал характерное описание помощи, которую советские власти оказывали еврейским беженцам:

Жители бежали во всех направлениях, готовясь пересечь Днестр, чтобы спасти свою жизнь и жалкие пожитки. Советские власти, в свою очередь, пытались в последний момент организовать спешную эвакуацию. Все ожидали, что Красная Армия возведет временный мост через реку, который позволит бежать всем желающим. Однако из-за отсутствия необходимых инструментов и материалов работа продвигалась очень медленно. Время поджимало. Части Красной Армии появились на западном берегу Днестра, и вслед за ними шли ненавистные нацисты со своими румынскими помощниками... Мы стояли, слушая плохие новости, когда к нам подошел еврей и сообщил нам, что какой-то солдат, по-видимому, пограничник, сидит под деревом на соседней улице и раздает документы всем желающим пересечь Днестр, чтобы попасть на Украину... Через полчаса я стал обладателем документа, согласно которому я был беженцем из Маркулешт, учителем по профессии, и вместе со мной была моя семья из трех человек. Позднее это временное удостоверение несколько раз помогло мне выкрутиться из опасных ситуаций и, что даже более важно, предоставило мне возможность добыть немного еды... В документе не указывались ни мое национальное

³⁵ См. свидетельства Ш. Рыбака (ОУИ. (101)20. Л. 42–44), Гиты Каплан (ОУИ. (101)25. Л. 33), М. Гельцера (ОУИ. (101)19. Л. 8–9), Цви Глезера (ОУИ. (12)189. Л. 10–11), Ривы Цымбаловой (ОУИ. (12)236. Л. 7–8).

³⁶ Свидетельство «Адами»: ОУИ. Л. 23.

происхождение, ни предмет, который я преподавал в прошлом, ни моя социальная или идеологическая принадлежность... Тем временем на место продолжали прибывать все новые и новые части отступавшей Красной Армии. В деревне нарастал ажиотаж по мере того, как к ней приближались вражеские войска. Это трудное положение заставило власти завершить строительство моста. К вечеру в субботу армия сдвинулась с места и начала переходить через реку по мосту. Наша очередь наступила около полуночи: мы пересекли Днестр на подводе, доставившей нас в ближайшую деревню Каменка³⁷.

Свидетельства очевидцев содержат слова благодарности за помощь и сочувствие, которые оказывали еврейским беженцам Красная Армия и советские власти с момента получения разрешения на переход границы и до фактической переправы через Днестр. Относительно небольшое расстояние отделяло большинство деревень от восточной границы, и добраться до нее на подводе, запряженной лошадей или волом, не составляло труда. После того как беженцы оказались на восточном берегу реки, им разрешили сесть в поезда, идущие на восток, не взяв платы за проезд. Бегство евреев носило массовый характер, и в некоторых местных селениях оставшиеся начали беспокоиться, что не смогут собрать миньян³⁸ для молитвы³⁹.

И в других местах еврейские беженцы получали помощь и теплое, человеческое отношение. Советский служащий, отвечавший за транспорт в местечке Новый Свержень в Западной Белоруссии, приложил огромные усилия, чтобы помочь одному из местных жителей, еврею, бежать из города. Он знал, что этот человек был политическим заключенным при польской власти и «будет в числе первых жертв после прихода немцев». Секретарь местного комитета Коммунистической партии в местечке Давид-Городок в Полесье помог двадцати местным жителям – молодым людям и девушкам, которых пограничники остановили на границе, – получить разрешения на въезд на территорию России. В городе

³⁷ М. Ben-Berit, "Be-derekh le-Ukraina", p. 384.

³⁸ Миньян – минимальное число евреев – взрослых мужчин (десять человек), необходимое для коллективной молитвы. – *Примеч. ред.*

³⁹ Н. Mundryan, "Im ha-Shoa", p. 149; ср.: Y. Schildkraut, *Al hurvot Besarabiya*, p. 249.

Вильянди в Эстонии местные власти всячески старались убедить местных евреев принять участие в организованной эвакуации. Альфреда Пикк, старая коммунистка, возглавлявшая горсовет, лично обошла семьи всех евреев города⁴⁰. В результате по меньшей мере половина еврейского населения Вильянди эвакуировалась на территорию СССР. Усилия по эвакуации евреев предпринимались властями и в других местах.

Однако за исключением указанных выше немногочисленных случаев, в которых евреям уделялась особая забота, советские власти проявляли прагматичное, а иногда и циничное отношение к еврейским беженцам и эвакуированным, – вследствие указаний вышестоящего руководства или по личным соображениям. Как бы то ни было, трудности, с которыми столкнулись еврейские беженцы, не были следствием враждебной политики или намеренной дискриминации. Вместе с тем, принятый в просоветских кругах взгляд, согласно которому советское правительство в годы Второй мировой войны организовано спасало своих еврейских граждан, не имеет под собой никаких оснований. Разумеется, большинство евреев – жителей аннексированных территорий (как эвакуированные в организованном порядке, так и бежавшие из мест своего проживания самостоятельно) не смогли бы выжить без помощи советских властей, однако власти действовали в рамках общей политики, не отдавая какого-либо предпочтения евреям.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря действиям советских властей десятки тысяч евреев избежали Освенцима, Трешлинка и Понар (иногда довольно странными путями, включая ссылку в Сибирь). Хотя без этого их спасение оказалось бы невозможным, соображения человечности, не говоря уже о желании спасти евреев, сыграли здесь весьма незначительную роль.

Евреи, проживавшие в городках и деревнях вблизи советско-германской границы, первыми бросили свои дома и побежали на восток⁴¹. Евреи – жители районов, располагавшихся к востоку от границы, сердечно приняли беженцев в своих домах. Спустя день или два, однако, с приближением немецких войск, сами хозяева вливались в поток беженцев, направлявшихся на восток.

⁴⁰ Свидетельство М. Эйдельберга: ОУИ. (101)23. Л. 8.

⁴¹ См. примеч. 53.

Сотрудники служб безопасности, высокопоставленные чиновники государственных учреждений и общественных организаций и директора фабрик получили разрешение взять с собой свои семьи. Иногда они выделяли в автомашинах места для друзей и родственников. Случалось, что видным госслужащим-евреям и их семьям давали разрешение сесть в поезда, предназначенные для семей советских офицеров. Евреи-водители были особенно востребованы, так как неевреи часто отказывались выполнять работу шоферов по личным или национальным соображениям, а те, кого заставляли вести машину под дулом пистолета, убегали при бомбардировках, нападениях националистов и т. д.⁴² Иногда врачам, которых мобилизовывали для сопровождения раненых солдат или для оказания медицинской помощи в дороге, разрешали взять с собой семьи.

Членам Союза писателей из города Белосток (большинство из которых были местными евреями или беженцами из западной Польши) предоставили специальный вагон в одном из последних поездов, отправлявшихся в Россию⁴³. Кое-где молодым евреям, членам комсомола и таких созданных в это время организаций, как «Рабочая гвардия» или истребительные батальоны, предлагали эвакуироваться. Вероятно, молодежь приводило в эти новые формирования желание сражаться с нацистским врагом, подступавшим к воротам их городов. Неслучайно бойцами этих отрядов, как правило, были молодые люди 17–25 лет, принадлежавшие к самым разным социальным слоям и придерживавшиеся самых разных идеологических взглядов⁴⁴. В Эстонии, где происходили длительные

⁴² Y. Piker, *Azoi iz geven*, p. 76; ср. свидетельства Ашера Лейтмана (ОУИ. (12)194. Л. 10), Рафаэля Голана (ОУИ. (12)192. Л. 11) и Меира Крона (ОУИ. (12)213. Л. 5).

⁴³ Организованная эвакуация писателей стала возможной после того, как делегация руководства Союза писателей (Максим Танк (председатель), Давид Сфард и Бер Марк) обратилась за помощью в обком Коммунистической партии и получила от дежурного секретаря записку с указанием посадить их в поезд. См.: David Sfar, *Mit zikh un mit andere* (Jerusalem, 1984), p. 121; ср.: Sheine-Miryam Broderzon, *Mein leids-veg mit Moishe Broderzon*, (Buenos Aires, 1960) pp. 31–32.

⁴⁴ Например, в Белостоке несколько бывших политических заключенных решили остаться в городе, чтобы помочь в поддержании общественного порядка (местная милиция разбежалась с приближением немцев) и защите города от врага – вопреки рекомендациям местного комитета Коммунистической партии, призывавшего их эвакуироваться. Лишь немногие выжили, присоединившись к партизанам (среди них, в частности, писатель Герш Смоляр). См.: D. Sfar, *Mit zikh un mit andere*, p. 121;

арьергардные бои, численность евреев среди бойцов в три раза превышала численность евреев в населении страны⁴⁵.

В первые дни войны евреи балтийских стран, желавшие сражаться с врагом, могли вступить в территориальные корпуса Красной Армии в своих странах. Сотни еврейских солдат проходили в них срочную службу. Обычно они страдали от антисоветских настроений, распространенных среди их товарищей. Во время боев положение еврейских солдат ухудшилось, теперь они были вынуждены опасаться товарищей по оружию – неевреев. Позднее выжившие евреи эвакуировались вглубь страны вместе с этими частями.

В других районах советские воинские части нередко были готовы провезти еврейскую молодежь через старую границу (пусть даже только часть пути)⁴⁶. Во время долгих пеших переходов, под вражескими налетами или лежа в засадах, молодые евреи и солдаты часто заводили дружбу, которая продолжалась на протяжении длительных скитаний на просторах Советского Союза. Некоторым удалось даже присоединиться к воинским частям.

Члены еврейских молодежных движений, которые поддерживали тесные связи друг с другом и вели подпольную деятельность при советском режиме, занимали видное положение в среде еврейской молодежи. Страх перед внезапной высылкой вглубь России еще до войны заставил их находиться в постоянной готовности к немедленному отъезду. С первыми известиями о нападении Германии на Советский Союз члены молодежных движений без промедления организованно двинулись на восток по следам отступающей Красной Армии. Обычно их снаряжение и высокий боевой дух соответствовали ситуации.

ср.: Hersh Smolar, "Ha-haim ha-yehudiim be-Maarav Beilorusiya" // *Shvut*, № 4 (1976), pp. 135–136.

⁴⁵ В письме от 5 марта 1976 года бывший активист еврейской общины Таллинна М. Шер сообщил автору настоящей статьи о том, что у него хранится перечень 120 еврейских бойцов истребительных батальонов в Эстонии. В другом перечне, составленном в Израиле на основании свидетельств бывших жителей Эстонии (в первую очередь Яакова Каплана из Тель-Авива, ранее проживавшего в Тарту), содержатся имена 80 человек и биографические данные некоторые из них. По меньшей мере шестьдесят из них погибли в боях. Подробнее см.: Dov Levin, "Estonian Jews in the Soviet Union, 1941–1945" // *Yad Vashem Studies*, vol. XI (1971), pp. 212–214.

⁴⁶ Aleksandr Kantorovski, "Sokulka tahat ol ha-kovshim" // *Sefer Sokulka* (Jerusalem, 1968), p. 343; свидетельство Исраэля Фридмана: ОУИ. (12)184. Л. 1–2.

22 июня, в день начала войны, наш секретариат собрался на срочное совещание. Мы решили, что весь киббуц должен немедленно двинуться на восток. Мы разделились на четыре группы и договорились встретиться на российской границе. Группа, первой прибывшая в одну из заранее согласованных точек на границе, должна была дожидаться там следующей группы; после ее прибытия первая группа снова отправлялась в путь, и так далее. Мы придерживались этого плана на всем протяжении пути. Продовольствие мы добывали совместно. Советы эвакуировали своих людей; мы пробрались в один из вагонов поезда. Одна из групп сбилась с пути. Спустя некоторое время мы обнаружили их рюкзаки с фотографиями наших товарищей. Их поезд попал под бомбежку, и все они погибли⁴⁷.

Те, кому тем или иным образом удалось прибиться к воинским частям, были защищены от немецких парашютистов и местных националистов. Однако от налетов Люфтваффе не был защищен никто. Время от времени пассажиры сходили с поездов и прятались в стороне от железной дороги, «пока худшее не закончится». Иногда они даже помогали восстанавливать разрушенное железнодорожное полотно.

В целом, однако, положение беженцев, ехавших в поездах, было несравненно лучше положения тех, кто уходил пешком, на велосипедах или на подводах. Армия не защищала их; они были легкой добычей для банд националистов, подкарауливавших их на дорогах к границе. Лишь немногим удавалось влезть на армейские грузовики⁴⁸. Беженцы искали окольные пути к пограничным пропускным пунктам, и многим действительно удавалось ускользнуть от часовых, которые могли бы отправить их обратно на запад. Вместе с тем не всех перехваченных пограничниками людей заставили вернуться назад. Мужчины, женщины и дети долгие часы и даже дни ждали в полях под палящим июльским солнцем, пока охрана не получит более благоприятные инструкции или попросту не оставит свои посты.

⁴⁷ Levi Dror, "Shomrei ha-gahelet" // *Sefer Ha-Shomer Ha-Zayir*, vol. 2 (Merhaviya, 1964), p. 227.

⁴⁸ Среди тех, кто проделал этот трудный и опасный путь под палящим июльским солнцем, был слепой латвийский коммунистический деятель Шац-Анин. Ему удалось пробиться в СССР, где он и провел годы войны. См.: M. Shatz-Anin, "Af mein lebns-veg" // *Sovetish Heimland*, № 11 (1970), pp. 148–149.

Упорство и целеустремленность часто играли решающую роль в успехе бегства⁴⁹. Тактика флангового охвата, которую применял Вермахт, заставляла беженцев тщательно планировать маршруты своего движения и постоянно ожидать внезапного появления врага. Им неоднократно приходилось менять направление и иногда идти длинными обходными путями, чтобы избежать встречи с немецким арьергардом⁵⁰. Под давлением чувства вины перед теми, кто не смог бежать, и тоски по дому многие повернули назад. Количество людей, погибших во время бегства, не поддается точной оценке:

Покинув свои дома в спешке, без каких-либо транспортных средств, они начали отставать. Вскоре немцы, которых они наняли, чтобы подвезти свои пожитки, взбунтовались, поубивали их и разграбили багаж на подводах. Земля поистине горела под ногами у беженцев. Они даже не могли заставить себя оглянуться назад. Вражеские самолеты непрерывно бомбили дороги, чтобы задержать отступающую советскую армию. Бомбы создавали глубокие воронки на бессарабских грунтовых дорогах и приводили к многочисленным жертвам. Поезда также бомбили с воздуха, и множество пассажиров погибло. После налета беженцы сходили с поезда и рыли братские могилы на обочинах железной дороги, чтобы похоронить своих близких. В некоторых случаях они едва покрывали неглубокие могилы землей, и собаки могли глотать похороненные тела. Каждый новый воздушный налет заставлял людей прекратить рыть могил и броситься в бегство... Земля Бессарабии и Украины была усеяна еврейскими трупами⁵¹.

Всеобщее замешательство, вызванное вторжением, исключало организованную эвакуацию и тем более какой-либо контроль за массовым стихийным бегством людей. В тех регионах, где продвижение противника было относительно медленным, – например, в Эстонии и Бессарабии, – власти могли осуществлять определенный надзор над организацией эвакуации. Для этого была введена

⁴⁹ E. Pomeranz, *Be-redifa aharei ha-emet*, pp. 83–84.

⁵⁰ Поскольку прямое железнодорожное сообщение с территорией СССР было отрезано, путь многих еврейских беженцев из центральных районов Латвии проходил через восточную Эстонию, а евреи Литвы бежали в направлении Пскова через восточную Латвию. Многие застряли на старой советско-латвийской границе в районе городка Зилупе. См. свидетельство Арье Шабата: АЯВ. 2987/258. Л. 2.

⁵¹ S. Kandel, "Yamim tragiim", p. 398.

система регистрации для всех, кто рассчитывал перейти старую советскую границу через Финский залив в Эстонии и Днестр в Бессарабии.

Спустя много лет после окончания войны в Советском Союзе были опубликованы оценки числа «эвакуированных» (в советской терминологии к ним было принято относить и тех, кто покинул оккупированные районы самостоятельно). Опубликованные цифры, как правило, неполны и, за редким исключением, не содержат данных об этническом составе эвакуированных⁵².

Несмотря на неполноту данных, не вызывает сомнения, что численность евреев среди эвакуированных превышала их процент в общем населении. Это объяснимо: многие евреи были служащими государственных и общественных учреждений; кроме того, евреи категорически не желали оставаться под нацистской оккупацией. Еврейские служащие, эвакуированные в организованном порядке, старались брать с собой свои семьи, в то время как в среде их нееврейских коллег семейная солидарность была не столь развита. Неевреи меньше опасались, что их близкие подвергнутся преследованиям нацистских властей.

Масштабы эвакуации и бегства евреев из аннексированных областей определялись сочетанием ряда факторов. Главными среди них были высокая мотивация; способность и желание властей оказать помощь, материальную и моральную; расстояние до старой советско-польской границы⁵³; промежуток времени между началом войны и захватом соответствующего места немецкими войсками; доля евреев в населении и их позиции в партийных и советских органах и в экономике; качество транспорта; и, наконец, решающий фактор – решение наступающей армии обойти с фланга или, наоборот, захватить соответствующую местность.

⁵² Регистрация эвакуированных из Литвы, проведенная в СССР 25 мая 1943 года, показала, что из 19 592 беженцев 8 050 человек были евреями. Около 5 500 евреев являлись гражданскими лицами, а остальные – солдатами, мобилизованными в Литовскую дивизию. См.: S. Varašinskas, *Karo sukuriose* [«События войны»; на литовском яз.] (Vilnius, 1970), pp. 38–39.

⁵³ Статистические данные о евреях, бежавших с Волыни, свидетельствуют о значении этого фактора. Процент евреев, которым удалось спастись из пяти городов, расположенных поблизости от старой советской границы, был следующим: Рокитно – 25 %, Корец – 20 %, Мизоч – 15 %, Острог – 10,5 %, Дубровица – 7,8 %. Ср. процент уцелевших беженцев из пяти местечек, располагавшихся на наибольшем удалении от старой границы: Турыйск – 3 %, Мацеев – 2,5 %, Ковель – 1,6 %, Луцк – 1,5 %, Устилуг – 0,3 % (см.: Shmuel Spector, *Shoat yehudei Vohlin* (Jerusalem, 1986), pp. 49–50.

Общее число еврейских беженцев и эвакуированных, происходивших из западной Польши и аннексированных территорий, можно оценить в 140 000 – 170 000 человек⁵⁴. 50 % из них бежали из балтийских стран и бывших румынских территорий, 50 % – с бывших польских земель. Эти цифры включают в себя тысячи евреев, которые на момент начала войны уже находились на территории собственно Советского Союза (проходили воинскую службу, были в командировках, учились в университетах, отдыхали в санаториях, работали и т. д.). Численность евреев, ускользнувших от наступавших немецких армий, не превышала 7 % от общей численности еврейского населения оккупированных районов.

Как отдельная статья впервые вышло по-английски под названием "The Fateful Decision: The Flight of the Jews into the Soviet Interior in the Summer of 1941" в Yad Vashem Studies, том 20 (1990) pp. 115-142. Перевод с английского Бенциона Дымерского.

⁵⁴ Ниже приводится распределение численности бежавших евреев по странам и регионам:

Восточная Галиция	26 000 – 35 000
Западная Белоруссия	22 000 – 30 000
Волынь	12 000 – 13 000
<hr/>	
Всего (бывшие польские территории)	60 000 – 78 000 ^a
Северная Буковина	5 000 – 10 000
Бессарабия	45 000 – 50 000
<hr/>	
Всего (бывшие румынские территории)	50 000 – 60 000 ^b
Литва	14 000 – 15 000 ^c
Латвия	14 000 – 15 000 ^d
Эстония	2 000 – 2 500 ^e
<hr/>	
Всего (балтийские страны)	30 000 – 32 500

Следует отметить, что и Волынь, и Бессарабия были захвачены в течение месяца. При этом только 5 % евреев Волини сумели спастись, в то время как среди евреев Бессарабии этот показатель составлял 25 %. Шесть процентов евреев бежали из Литвы, территория которой за несколько дней была полностью оккупирована. Эта высокая цифра может быть объяснена тем, что в Литве процент евреев, занятых в партийном, государственном, общественном аппарате и на промышленных предприятиях был несравнимо выше, чем на Волини и в других районах Западной Украины и Западной Белоруссии. Таким образом, относительно большое число евреев было включено в организованную эвакуацию.

^a Цифры по Волыни приведены в кн.: Spector, *Shoat yehudei Vohlin*, p. 51. Бернард Вейнриб оценивает общее число евреев, бежавших с бывших польских территорий, в 120 000 – 180 000 человек. См.: P. Meyer, B. Weinryb et al., *The Jews in the Soviet Satellites* (Syracuse University Press, 1953), p. 353.

^b Dov Levin, "Yehudei Besarabiya ba-shilton ha-sovyeti b-yimei milhemet ha-olam ha-shniya" // *Shvut*, № 4 (1976), pp. 101–118, 152–153.

^c Dov Levin, *Fighting Back – Lithuanian Jewry's Armed Resistance to the Nazis, 1941–1945* (New York, 1985), pp. 28–32.

^d Dov Levin, *Im ha-gav be-kir: lehimat yehudei Latviya ba-nazim, 1941–1945* (Tel Aviv, 1978), pp. 57–59.

^e Dov Levin, "Estonian Jews in the U.S.S.R., 1941–1945" // *Yad Vashem Studies*, vol. XI (1971), pp. 273–297.

О цифрах относительно Бессарабии и северной Буковины см. также: Jean Ancel, "The Romanian Way of Solving the 'Jewish Problem' in Bessarabia and Bukovina, June – July 1941" // *Yad Vashem Studies*, vol. XIX (1988), pp. 230–231.